

Дом Чэнь Мо был переполнен людьми. Прошло всего лишь сутки с момента взрыва фейерверка, полиция еще не предоставила конкретной информации, а интернет-пользователи уже единогласно назначили Чжан Сяоцзе «убийцей», а Чэнь Мо — ни в чем не повинной жертвой, чья жизнь и без того оказалась полна драматических поворотов.

С самого детства он был послушным, прилежно учился и не заставлял родителей волноваться. Зная, что у них слабое здоровье, он с малых лет помогал по хозяйству. Его смело можно было назвать тем самым «чужим ребенком», о котором родители ставят в пример своих детей.

Окончив университет, он не стал продолжать учебу, а вернулся в Цзиньду, устроился на фабрику фейерверков, чтобы работать и параллельно присматривать за родителями. Вся семья надеялась, что теперь-то их жизнь наладится и заиграет яркими красками, но кто мог ожидать такой беды? Для родителей Чэнь Мо это было равносильно падению небес.

Пожилая чета Чэнь просидела в комнате весь день, их волосы поседели наполовину. При упоминании имени Чэнь Мо они замолкали, а стоило заговорить о Чжан Сяоцзе, как начинали осыпать того проклятиями.

— Горькая судьба у нашего Чэнь Мо! Ну как же так вышло...

Мать Чэнь Мо перед объективом камеры заливалась слезами, вытирая лицо, голос ее дрожал от горя, а глаза были красными и опухшими. По сравнению со вчерашним днем она постарела на несколько лет. Отец же продолжал молчать, сидя перед репортером.

Репортер спросил: Матушка Чэнь, правда ли, что Чэнь Мо и Чжан Сяоцзе раньше были близкими друзьями?

— Друзьями? — голос матери Чэнь стал резким. — У Чэнь Мо не было таких друзей! Не было! Этот Чжан Сяоцзе принес нам одно лишь горе!

Репортер продолжил: Чжан Сяоцзе сейчас все еще в больнице. Связывались ли с вами его родители?

Экран заполнили комментарии зрителей:

«Вот именно, где же семья Чжан Сяоцзе?»

«Извиниться перед семьей пострадавшего — это минимум, что они могли сделать».

«Чжан Сяоцзе лежит в больнице — это прекрасно, но почему его родные не вышли и не извинились? Видимо, какие родители, такой и сын».

«Так жаль их, я поставил себя на их место и чуть не задохнулся. Есть ли куда отправить пожертвования?»

Репортер спросил: Матушка Чэнь, многие добрые люди в сети хотят сделать пожертвования, чтобы поддержать вас с отцом. Согласны ли вы принять помощь?

— Спасибо, — ответила мать Чэнь. — Мне не нужно. Я все равно скоро уйду вслед за Чэнь Мо, так что не тратьте деньги.

Экран наполнился потоком слов сочувствия и одновременно гневными комментариями, создавая резкий контраст. Чэнь Сян, глядя на экран, поежилась и прошептала: Ю Жусюй, эта пара действительно вызывает жалость.

Жалость, исходящая от них, и ненависть к Чжан Сяоцзе.

В глазах стариков эта ненависть проступала отчетливо, без тени сомнения. При упоминании Чжан Сяоцзе мать Чэнь начинала скрежетать зубами. Ю Жусюй вдруг вспомнила слова Цзэн Цзин о том, что Чэнь Мо и Чжан Сяоцзе были очень близки.

Значит, они наверняка были знакомы и с родителями Чэнь.

Почему же тогда до того, как дело было официально раскрыто, в них кипела такая чудовищная ярость? Ю Жусюй не могла этого понять. Она спросила Чэнь Сян: Удалось ли договориться об интервью с кем-то из родственников других пострадавших?

— Есть пара человек, но они не очень хотят давать интервью, — ответила Чэнь Сян.

Ю Жусюй понимающе кивнула.

Прямой эфир вели прямо из дома Чэнь. Перед входом выстроился ряд камер, репортеры сновали туда-сюда, вспышки фотоаппаратов не прекращались. Ю Жусюй так и не удалось войти внутрь, и лишь к вечеру, когда толпа начала расходиться, она заглянула в дом — там было темно и пусто.

Чэнь Сян протянула ей бутылку воды: Ю Жусюй, когда мы отправимся обратно?

Она посмотрела в сторону участников третьей группы. Те, кто отвечал за освещение ситуации с Чэнь Мо, не нашли подходящего момента для работы, но, заметив Ю Жусюй, решили, что, раз уж в компании не удастся перекинуться и парой слов, здесь можно было бы попросить Чэнь Сян стать посредником и пригласить Ю Жусюй на ужин.

Ю Жусюй ответила: Подождите еще немного.

Она продолжала просматривать запись сегодняшнего прямого эфира — уже третий раз. Чэнь Сян не понимала, что именно ее заинтересовало, но осталась рядом: В эфире есть какая-то

проблема?

В этот момент на записи мать Чэнь Мо держала календарь.

— Чэнь Мо с детства был очень внимательным, — говорила она. — В этом месяце день рождения его отца. Он заранее записал это, сказал, что хочет сделать сюрприз.

Глаза матери Чэнь покраснели, голос сорвался на рыдания: Он всегда был таким.

Присутствующие были глубоко тронуты, чат с комментариями летел вверх. Ю Жусюй отключила чат и принялась пересматривать момент с календарем снова и снова. Двадцать восьмое число — день рождения отца, но, помимо этого, была обведена еще одна дата.

Двадцатое число.

Репортер спросил мать Чэнь: Что это за день, двадцатое число?

Мать Чэнь на мгновение замешкалась: Возможно, день рождения друга. Он боялся забыть.

Репортер восхитился: Чэнь Мо действительно очень внимательный.

Мать Чэнь вытерла слезы, глядя на фотографию сына, и снова зарыдала. Эфир прервался. Ю Жусюй выключила экран. Чэнь Сян позвала ее: Ю Жусюй.

Та посмотрела на нее: Что такое?

— Может, поужинаем вместе? — Чэнь Сян кивнула на коллег. — Ребята из третьей группы хотят пригласить вас.

Ю Жусюй проследила за ее взглядом: трое сотрудников третьей группы смотрели на нее с ожиданием. Ю Жусюй ответила: У меня нет времени, идите без меня.

Чэнь Сян растерянно переспросила: А ты куда?

— Я собираюсь в больницу, — ответила Ю Жусюй.

Чэнь Сян хотела поехать с ней, но Ю Жусюй посоветовала ей отдохнуть, добавив, что, возможно, сама ничего не найдет. Чэнь Сян кивнула и предложила подвезти Ю Жусюй до больницы, прежде чем ехать домой.

Ю Жусюй не отказалась.

В машине Чэнь Сян сказала: Ю Жусюй, в сети снова разгораются споры вокруг Чжан Сяоцзе.

Дело было не просто в спорах, негатива стало еще больше, чем вчера. Люди начали выискивать даже самые мелкие проступки из его прошлого. Идеальных людей не бывает, и под прицелом камер любая оплошность превращается в неопровержимое доказательство того, что человек чуть ли не с рождения был убийцей. Его фотографии и поступки подвергались жестокой критике, а некоторые переходили на прямые оскорбления.

«Надеюсь, Чжан Сяоцзе сдохнет прямо сейчас».

«Когда его уже приговорят к смертной казни?»

«Лучше бы он не просыпался, если очнется — будет только хуже».

Подобных комментариев было не счесть. После трансляции с участием родителей Чэнь Мо волна ненависти поднялась с новой силой, а тех, кто пытался заступиться за Чжан Сяоцзе и призывал к благоразумию, тут же окрестили проплаченными троллями.

Интернет мгновенно превратился в ускоритель событий. Чем больше крови и хаоса, тем быстрее раскручивался маховик. Истина тонула в потоке общественного мнения, и это никого не заботило.

Ю Жусюй добралась до больницы к половине девятого. В приемном покое по-прежнему было полно людей, подъезжали машины скорой помощи, врачи и медсестры носились в суматохе, родственники пациентов выглядели измотанными. Каждый человек был частью этой бесконечной жизненной драмы.

Просидев около получаса, она поднялась в отделение стационара, чтобы навестить Цзэн Цзин.

Цзэн Цзин уже спала. Промучившись весь день, она не отдыхала с самого пробуждения. Только сегодня вечером, покормив ребенка, она наконец забылась тяжелым сном. Ю Жусюй подошла к палате и заглянула внутрь — горел только ночник. Она не стала входить, но увидела, как из палаты тихо вышла сиделка.

— Она уснула? — спросила Ю Жусюй.

Сиделка узнала ее: Вы та самая журналистка.

— Здравствуйте, меня зовут Ю Жусюй, — улыбнулась она. Сиделка кивнула: Я знаю, узнала вас. Мой сын постоянно читает ваши новости. Вы тоже пришли взять интервью у Цзэн Цзин?

Ю Жусой поинтересовалась: Кто-то еще приходил к ней сегодня?

— Приходили из какого-то нового медиа, но они недолго пробыли, — ответила сиделка. — Посмотрите на эту бедняжку: ребенок только родился, а она из-за всего этого так переживает, не к добру это для здоровья.

Ю Жусой молча кивнула.

Сиделка присела на стул рядом. Ю Жусой спросила: Вы не уходите домой на ночь?

— Нет, — ответила та. — Я должна следить за тем, что происходит в палате, вдруг ребенок проснется или нужно лекарство поменять. Удивительная женщина, даже не знаю, повезло ей или нет. Говорят, при родах у нее было сильное кровотечение, чудо, что выжила!

— Да, настоящее чудо, — согласилась Ю Жусой.

— И ребенок довольно крепкий, — продолжала сиделка. — Не похож на недоношенного, хотя срок у нее был как раз на этот месяц, так что преждевременными их и не называть.

Ю Жусой, словно что-то вспомнив, посмотрела на сиделку: Когда у нее был срок?

— В этом месяце, но точную дату я не знаю, надо у врача спросить.

Ю Жусой нахмурилась: Спасибо.

— Не за что, это я вас отвлекаю своими разговорами, — засуетилась сиделка.

Ю Жусой кивнула ей и направилась к посту медсестер: Кто лечащий врач Цзэн Цзин?

Старшая медсестра узнала ее, зная, что она подруга Цзэн Цзин и именно она брала у нее интервью раньше. Она ответила: Врач Чжоу.

Точнее говоря, это была Хэ Вэй. Она занималась экстренной помощью, так что ее пациенты автоматически становились пациентами Чжоу Тяньцзуй.

Ю Жусой кивнула: Врач Чжоу еще не ушла домой?

— Нет, она в кабинете.

Ю Жусой поблагодарила ее и направилась к кабинету Чжоу Тяньцзуй. Навстречу ей вышел

Чжао Минци.

Он поздоровался: Ю Жусюй.

— Врач Чжоу внутри? — спросила она.

— Да, да, — ответил Чжао Минци, только что вышедший из кабинета. Дверь еще не успела закрыться, и он поспешно отступил в сторону, освобождая проход. Ю Жусюй, улыбнувшись, взялась за ручку двери и взглянула на него.

Чжао Минци хлопнул себя по лбу: Мне еще нужно зайти в палату, так что проходите.

— Спасибо.

Едва она толкнула дверь, как услышала голос Чжоу Тяньцзуй:

— Хэ Вэй, что ты имеешь в виду?

Ю Жусюй невольно отступила на полшага назад. Чжао Минци не сказал, что внутри кто-то есть.

Чжоу Тяньцзуй смотрела на Хэ Вэй, взгляд ее был тяжелым и пронзительным, отчего у Хэ Вэй сердце ушло в пятки: Врач Чжоу...

— Ты думаешь, что если я тебя не разоблечу, то мы играем в «выигрыш для обеих сторон»? — голос Чжоу Тяньцзуй звучал холодно. — Хэ Вэй, я просто даю тебе шанс.

Лицо Хэ Вэй побледнело, она смотрела на Чжоу Тяньцзуй в немом оцепенении.

Та продолжила: Это больница, ты врач. Мы можем быть в выигрыше только тогда, когда пациент в безопасности, а не когда ты занимаешься своими мелкими интригами. До сегодняшнего вечера ты должна объясниться перед директором Сун.

Хэ Вэй закусила губу, не двигаясь с места.

Чжоу Тяньцзуй пристально смотрела на нее и позвала: Хэ Вэй.

Та вздрогнула. Чжоу Тяньцзуй сменила тон на более будничным: Ты ведь симпатизируешь Ю Жусюй?

Хэ Вэй была поражена. Голос ее дрогнул. Неужели Чжоу Тяньцзуй рассказала Ю Жусюй? Или это предупреждение?

Чжоу Тяньцзуй ничего не ответила, лишь спросила: А ты знаешь, почему она когда-то сменила должность? И два года проработала редактором?

Услышав это, Хэ Вэй выдохнула, ее тревога немного улеглась: Это потому, что она получила травму.

— Она была ранена во время расследования дела о пропавших детях, — Чжоу Тяньцзуй смотрела на Хэ Вэй, чеканя каждое слово. — Ее привезли в нашу больницу, операция длилась десять часов, она была на волосок от смерти, несколько раз едва не потеряла сознание. Хэ Вэй, тебе, наверное, странно, почему я говорю тебе об этом?

Хэ Вэй действительно не понимала.

Чжоу Тяньцзуй сказала: Я хочу спросить, если бы тогда операцию твоей любимой Ю Жусюй делала ты, какой был бы исход?

Лицо Хэ Вэй снова стало белым как полотно, губы потеряли всякий цвет.

Стоявшая за дверью Ю Жусюй взялась за ручку и тихо закрыла дверь. Она стояла в коридоре, неподвижная, очень долго.

<http://bllate.org/book/22090/2297199>